

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1986

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

ol В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ УЙГУРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Элемент *ol*, представленный в древних и новых тюркских языках в персональном или дейктическом прономинальном значении, в раннесредневековом уйгурском литературном языке (далее везде РСУЛЯ) выступал носителем иных значений и играл главенствующую роль в организации некоторых типов речевых структур, впоследствии исключенных из системы тюркских языков. Выключение из языковой системы целого комплекса речевых структур не могло не привести к перестройке системы. Поэтому в функциях элемента *ol* в разные периоды развития тюркских языков отражены диахронические тенденции, проливающие свет на вопросы развития языков и заслуживающие пристального внимания. Аналогом элемента *ol* в его вторичных значениях выступает элемент *titir*, в новых тюркских языках утраченный.

В РСУЛЯ *ol* и *titir* фигурируют как существенные элементы структурных схем некоторых типов предложений. Используя символы (N — имя, N_n — имя существительное, N_2 — имя в одном из косвенных падежей, V — основа глагола, Adj — прилагательное, Neg — отрицание, D — детерминант), структурные схемы предложений, образованных с помощью *ol* (*titir*), можно представить в виде следующих формул.

1) $N - V + \text{ǵu} - ol$ — схема образования двусоставных предложений типа: *buyan ädgü qılınç qılǵu ol* 'Необходимо(должно)совершать добрые деяния' (ТТГ₆₈), *öz başın kisläǵü ol* 'Нужно беречь свою голову' (Insadi, 36). Элементы *ol* (*titir*) являются существенными признаками двусоставных предложений данного типа, и их опущение приводит к изменению грамматического значения конструкции, утрате предикативности. Словосочетания *buyan ädgü qılınç qılǵu* 'свершение добрых деяний', *öz başın kisläǵü* 'сохранение своей головы' без элемента *ol* переходят в разряд непредикативных, соединенных комплетивной связью.

2) N_2 (Pron) — $V + mış - ol$ — схема односоставных (неопределенно-личных) предложений: *anın anča timiř ol* 'Поэтому так называли' (СЦ V 46, 25—26). В отличие от конструкций, построенных по схеме 1, наличие элемента *ol* здесь не является признаком,

существенным с точки зрения реализации категориального значения предикативности; они остаются единицами сообщения и в том случае, когда *ol* в них не представлен: *anin anča timiš* 'Поэтому так называли'.

3) *(bu)N ärsär — N ol* — структурная схема двусоставных предикативных конструкций рамочного типа, отличительной чертой которых является эмфаза одного из элементов: *bu il uluš ärsär burhan toğmıš onun ol* 'Эта страна — то место, где родился Будда' (СЦ V 200—201); *bu tül bğüsi ärsär mangu yitgülık qıyılğuluq bğü ol* 'Что касается значения этого сна, то это — примета того, что я умру' (СЦ X 497—499); *bu ärsär arxant dıntar ol* 'Это — святой архат' (СЦ V 26, 23—24). *Ol* в этом типе конструкций также не является существенным признаком предложения, и его отсутствие не приводит к изменению грамматического значения словосочетания.

4) *bu — N — ol* — схема двусоставных предложений рамочного типа: *bu nä kişi ol* 'Что это за человек?' (СЦ V 26 22); *bu şacıu kăgdäsi ol* 'Это — шачжоуская бумага' (ТТ V B₀). Из коммуникативных вариантов этого типа конструкций в текстах более распространен вариант, в котором показатель сказуемости занимает второе место после указательного местоимения: *bu titir kirtgünč-ning on türlüg yörügi* 'Таковы десять способов истолкования веры' (ТТ V B 128—129). В результате инверсии меняются ритмический рисунок и характер актуального членения фразы; вместе с перемещением показателя сказуемости динамическое ударение переносится на начало фразы, и коммуникативным центром предложения становится местоимение *bu*. Но инверсия в этом случае не является лишь показателем характера актуального членения фразы. Отмечено, что отнесение информативно важной части сообщения в начало предложения является одной из особенностей устной разговорной речи или во всяком случае свидетельствует об экспрессивной и стилистической окрашенности речи (Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 597). Привнесение черт экспрессии, противопоставленных общему стилю изложения как стилистически маркированных, нарушает монотонность речи и служит одним из средств организации речи на уровне сверхфразовых единств.

5) *N — Adj — ol (titir)*. По этой схеме образуются двусоставные предложения: *ol taluı suvi ärtingü qorqınçlığ adalığ ol* 'Воды этого океана чрезмерно страшны и опасны' (РР XXVI 4—6); *bu savım qltı kün tngri tąg ğın ol* 'Эти мои слова истинны, как божество солнце' (СЦ V 323—324). Коммуникативный вариант этого типа предложений отличается инициальным положением сказуемого в сочетании с *ol (titir)*: *alp ol munta tükäl söz-lägäli* 'Трудно здесь описать это во [всей] полноте' (СЦ V 48, 24—25). В текстах встречаются парадигматические формы этого типа конструкций, образуемые путем изменения формы предикатива: *bu tamğa m(ä)n bolmıš-ning ol* 'Эта печать — моя, Болмышша' (USp 18₉); *tikisiz ağlaq onunlarda ärmäk öz törüm ol* 'Пребывание

в тихих уединенных местах — мое правило' (СЦ V 96, 7—9); ağır ayag üküš-i siz-lär-kä ol 'Многие почести — вам [будут оказаны]' (İnsadi 36, 205—206).

Обычное в языках расхождение между абстрактной моделью и конкретными формами ее реализации наблюдается и в этом случае и проявляется в ограничении числа реализуемых в речи вариантов конкретных предложений лексико-фразеологической сочетаемостью их членов. Некоторые из них, как, например, предложения типа *bu tamğa m(ä)n bolmış-ning ol*, представлены лишь в одной форме. Элемент *ol* в этом типе конструкций также факультативен и может быть опущен без изменения грамматического значения конструкции.

6) D — N — ol: *ol baliq kidini iki yüz bärä yirdä uluğ tağ ol* 'В двухстах ли к западу от города есть большая гора' (СЦ V 2а, 24—26); *amtı öz uluşum-qa yanturu barğuluq tapım ol* 'Ныне мое желание — вновь вернуться в свою страну' (СЦ V 25—26).

7) *nä — N — ol: nä yanglığ b(ä)k qatıg kirtü köngülüng-üz ol* 'Как стойко (парн.), правдиво Ваше сердце!' (СЦ VII 2100—2102).

Перечисленные типы синтаксических конструкций, образуемых с помощью *ol* (*titir*), были продуктивны в РСУЛЯ, но в литературных тюркских языках более позднего времени замещены другими типами структур. Выпадение из языковой системы целого комплекса средств и замещение их другими привело к перестройке системы. Причины этой перестройки следует искать в условиях, в которых происходило развитие РСУЛЯ, и исследование собственно лингвистической стороны этого процесса ввиду отсутствия иных свидетельств имеет важное значение с точки зрения выявления обусловивших их экстралингвистических факторов.

Сопоставления показывают, что в РСУЛЯ в некоторых структурных схемах *ol* мог быть замещен иными языковыми элементами (словом *bar*, вспомогательным глаголом *är-*, аффиксами сказуемости, нулевым показателем и т. п.), относящимися к разным классам и в их основном, не обусловленном синтагматически значении не соответствующими *ol*.

Рассмотрим один из этих случаев. В конструкциях, образованных по схеме D — N — ol, *ol* имеет значение наличия, присутствия (предмета, состояния), выступая аналогом слова *bar*. Два предложения *tağ ičintä iki yäk bar* 'Внутри горы есть два демона' (ТТ I 62—63) и *tağ ičintä iki yäk ol* являются равнозначными, элементы *bar* и *ol* находятся в них в отношениях контрастирующей дистрибуции. Различие между ними заключается в несоответствии условий воспроизведения значения наличия (присутствия) в том и другом случае. *Ol*, в отличие от слова *bar*, выступает носителем значения наличия (присутствия) только в сочетании с детерминантом, что накладывает известные ограничения на его употребление, в то время как для слова *bar* это значение не является синтагматически обусловленным.

Другим отличительным свойством конструкций, образованных с помощью *ol*, является то, что они не имеют парадигматических

форм, регулярно воспроизводимых. Например, в отличие от конструкции *tağ ičintä iki yäk bar*, выступающей в разных парадигматических формах (*tağ ičintä iki yäk bar ärti*, *tağ ičintä iki yäk bar ärmiš*, *tağ ičintä iki yäk bar ärsär*, *tağ ičintä iki yäk bar ärti ärsär*, *tağ ičintä iki yäk bar ärmiš ärsär*, *tağ ičintä iki yäk bar ärgäy* и т. д.), конструкция *tağ ičintä iki yäk ol* имеет лишь одну форму настоящего времени синтаксического индикатива, так как *ol* не сочетается с вспомогательными глаголами. Такого рода формальная ограниченность не могла не служить важным регулирующим фактором при распределении.

Bar и *ol* — языковые единицы разного класса. Значение первой раскрывается в лексико-семантической оппозиции *bar* : *yoq*.

Ol как показатель категориального значения предикативности противопоставлен нулевому показателю. Синтагматически это различие проявляется в том, в частности, что конструкции вышеуказанного типа со словом *bar* могут быть распространены с помощью *ol* как всякая иная именная предикативная конструкция. Предложение *tağ ičintä iki yäk bar ol* равнозначно предложениям *tağ ičintä iki yäk ol* ~ *tağ ičintä iki yäk bar*, но восходит к иному структурному типу, сближаясь с конструкциями, образованными по схеме *N — Adj — ol*.

И наконец, *ol* выражает категориальное значение предикативности, занимая финитное (замыкающее) положение в предложении. Подобное закрепленное положение показателя предикативности ограничивает возможности построения коммуникативных вариантов фразы и соответственно экспрессивно-выразительные возможности языка. *Bar* как показатель предикативности не имеет таких ограничений и может перемещаться внутри фразы в зависимости от требований актуального членения и от коммуникативной нагрузки: *amti . . . taqi bar üc arxant-lar* 'И ныне . . . еще есть три архата' (СЦ V 4а, 9—10).

Ol является универсальным показателем предикативности, категориальное значение которого наименее обусловлено, но конструкции, образованные с его участием, менее приспособлены для передачи значений и оттенков значений, передаваемых с помощью парадигматических и коммуникативных форм иных типов конструкций. И не случайно, в процессе развития языка этот способ выражения предикативности был вытеснен иными способами, менее ограниченными семантически.

Тенденция к вытеснению *ol* как показателя предикативности наметилась уже в РСУЛЯ. Встречающиеся в РСУЛЯ предложения типа *tarıg-lağ yiri i-kä tarıg-qa yarağ-lıg* 'Обрабатываемые земли пригодны для посевов' (СЦ V 4а, 23—24) являются ничем иным, как вариантами конструкций, построенных по схеме *N — Adj — ol*, в которых *ol*, как элемент факультативный, утрачен.

Одним из немаловажных факторов, способствовавших развитию языка в указанном направлении, по-видимому, явилось то, что один из употребительных элементов языка — предикатив *bar* благодаря своей полифункциональности мог выступать в роли

сказуемого предложения без показателя предикативности: *qaldı bu sav tiltağında şlok-ta umä söz-lämiş bar* 'По поводу этого слова также сказано в стихах' (Insadi 54, 674—675); *inçir umä . . . arta-mişi yoq* 'Тем не менее . . . они не разлагались' (СЦ V 2а, 4—7).

Как показатель предикативности *ol* находится также в отношениях контрастирующей дистрибуции с вспомогательным глаголом *är-* при условии, если сообщение соотносено с настоящим временем индикатива: *bitig-lär-intäki savları bu ol* 'В письме их говорилось следующее' (букв. 'в письме их содержались такие слова') (СЦ V 10а, 3—5) = *bitig-lär-intäki savları bu ärür; ätöz-läri köngül-läri çinsız yarpsız ol* 'Их тела и души лишены праведности и стойкости (твердости)' (AY 383, 4—6) = *ätöz-läri köngül-läri çinsız yarpsız ärür*. Несомненным свидетельством того, что элементы *ol* и *är-* по некоторым признакам тождественны, является сходство условий реализации их синтагматически обусловленных значений: значение наличия (присутствия) глагол *är-* так же, как и *ol*, несет лишь в сочетании с детерминантом в схеме D — N — *är-*: *ağılıqdağı ordu-tağı näcä äd tvar ärdi ärsär* 'Сколько бы ни было имущества в казне и во дворце [правителя Шиладитья]' (СЦ 34, 23—24). Но наряду с тем каждый из них является носителем других семантических признаков, реализующихся на основе иных противопоставлений в другом окружении. Например, глагол *är-* в сочетании с именем в форме локатива может стать носителем значения 'пребывать, находиться' (*tikisiz ağlaq orun-larda ärmäk* 'пребывание в тихих, уединенных местах' — СЦ V 96, 7—9), которое не присуще *ol* ни в одной из его позиций.

Выявленные особенности распределения *ol* (*titir*) в РСУЛЯ позволяют прийти к выводу, что *ol* как показатель предикативности мог быть замещен другими элементами: предикативами *bar*, *yoq*, различными формами служебного глагола *är-*, нулевым показателем и др. Категориальное значение предикативности является синтагматически менее обусловленным в сравнении с другими показателями, и в этом смысле *ol* является «универсальным» показателем предикации. Но, с другой стороны, конструкции, образованные с помощью элементов *ol* (*titir*), в отличие от конструкций, образованных с помощью иных показателей предикации, не имеют парадигматических форм и не приспособлены для передачи значений, реализуемых с помощью последних. Но указанные особенности распределения сами по себе не могли служить причиной вытеснения *ol* как показателя предикативности; *ol* в РСУЛЯ находится в отношениях контрастной дистрибуции с другими показателями этого значения, и утрата его в процессе языкового развития не мотивирована условиями его функционирования на собственно лингвистическом уровне.

Анализ распределения элемента *ol* позволяет выявить, что существуют позиции, в которых он устойчив, и позиции, в которых он произвольно может быть опущен. Он устойчив в схеме 1 (см. выше), в сочетании с глагольным именем на *-ğu*, *-gü*, в схеме D — N — *ol*, в которых является признаком, существенным

с точки зрения реализации категориального значения предикативности, и утрата его приводит к изменению значения конструкции. В других типах конструкций *ol* является элементом факультативным, отсутствие которого не ведет к изменению значения конструкции; оно не мотивировано общезыковой семантикой. Вместе с тем можно заметить, что слабой позицией, в которой этот элемент опускается чаще всего, являются сверхфразовые единства, построенные на основе параллелизма: *köz-üng içintä küg yoq, köngül-üng içintä qadğu yoq* 'В твоих глазах нет скорби, в твоём сердце нет печали' (ТТ I 251, 144—145); *aq qışing az. kişi ara ädgülüg yolung alp. küniğäki işing tidıǵlıǵ* 'Благоприятных зим у тебя мало, путь к добру среди людей — труден, повседневные дела встречают противодействия' (ТТ I 251, 159—161). Этот факт говорит о том, что важную роль в распределении элемента играет характер организации речи на сверхсегментном уровне. Занимая финальное положение во фразе, он выполняет делимитативную функцию, сигнализируя о границе сегмента, и там, где есть другие показатели границы сегментов (например, параллелизм), он может быть опущен. Но *ol* на сверхсегментном уровне выполняет не только разграничительную роль. Включение в речь безударного, лишённого семантики на общезыковом уровне, «пустого» элемента, приводит к перераспределению информации в речи. На фоне «пустых» частиц более рельефно выделяются информативно значимые элементы и изменяется соотношение между количеством информации и отведённым для нее сегментом речи.

Аналогичное явление встречается в некоторых современных тюркских языках, преимущественно в устных формах речи, в которых в качестве завершающего, финального элемента предложений могут выступать элементы, лишённые содержания на общезыковом уровне. Например, в современном татарском языке нередко финальным элементом предложения выступают частицы *шул, инде, эле* и др.: *шулай шул* 'Так!', *андагы киенуләр ис китәрлек инде* 'Гамошние моды — умопомрачительны!', *тагы кирәк булырбыз эле* 'Пригодимся еще!' (Г. Камал. «Бәхетсез егет»). Они лишены содержания, являются лексически и грамматически избыточными, но выполняют в предложении важную роль. С их помощью перестраивается ритм речи и создается сегмент речи большей протяженности, позволяющий оттенить информативно важные, коммуникативно значимые элементы.

Анализ функций элемента *ol* в РСУЛЯ позволяет установить, что существуют позиции, в которых он не несет лексического и грамматического значения, является «пустой» частицей, единственной функцией которой является функция ритмического организатора на сверхсегментном уровне. Наличие в языке литературы такого рода «пустых» частиц свидетельствует о том, что произведения раннесредневековой уйгурской словесности были рассчитаны на устное воспроизведение, но в отличие от современных тюркских языков эти частицы в РСУЛЯ являлись фактором языка, а не речи. В РСУЛЯ они выступают в функции ритмо-

организующих элементов регулярно как всякий грамматический показатель. Появление в синтаксической конструкции этой частицы автоматически переводит ее в разряд конструкций иного уровня. Благодаря специальному показателю предложение *tikisiz-z aḡlaq orunlarda ärmäk öz tögüm ol* 'Пребывание в тихих, уединенных местах — мое правило' (СЦ V 96, 8—9) в отличие от *tikisiz aḡlaq orunlarda ärmäk öz tögüm* становится частью особым образом организованного речевого единства.

Соответственно, последовательное выключение этого элемента из разных типов синтаксических структур в значительной мере было обусловлено тем, что в связи с развитием литературы изменились принципы ритмической организации языковых элементов как элементов структур художественных.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AY — *Suvarṇāprabhāsa* (Сутра Золотого блеска): Текст уйгурской редакции / Изд. В. В. Радлов и С. Е. Малов.
- СЦ V — *Gabain A. von. Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen-tsangs.* — SPAW, 1935, VII; *Тугушева Л. Ю.* Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана. М., 1980.
- СЦ VII — *Gabain A. von. Briefe der uigurischen Hüen-tsang-Biographie.* — SPAW, 1938, XXIX.
- СЦ X — *Tezcan S. Eski uygurca Hsüan Tsang biyografisi. X bölüm.* Ankara, 1975.
- KP — *Hamilton J. R. Le Conte bouddhique du bon et du mauvais prince en version ouigoure.* Paris, 1971.
- Insadi — *Tezcan S. Das uigurische Insādi-Sutra. Berliner Turfantexte, III,* Berlin, 1974.
- TT — *Türkische Turfantexte.*
- USp — *Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler.* Leningrad, 1928.